

ТАТЬЯНА БУРЛАКОВА

Самый ветреный на свете

ОСТРОВ

Татьяна Бурлакова Самый ветреный на свете ОСТРОВ

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70381270

Самый ветреный на свете ОСТРОВ / Татьяна Бурлакова: Супер-издательство; Санкт-Петербург; 2023

ISBN 978-5-9965-2943-8

Аннотация

Увлекательная детективная история с непредсказуемым финалом. Время – с 60-годов прошлого века до наших дней.

Каждое лето островок на Волге становится местом отдыха для дружной компании ученых-химиков с секретного градообразующего предприятия. Но времена меняются: с предприятия снимают секретность и выводят за рамки оборонного ведомства. Госзаказ упраздняют. Массовые увольнения. Неразбериха с жилым фондом, зарплатами и пенсиями. Ломаются судьбы, ломается страна, каждый выбирает свой путь, кто-то – путь предательства.

Совпадения не случайны (ох уж этот «новичок»!), но иллюзорны. Может, так все и было. А может, все было совсем не так – кто теперь знает. Просто автору захотелось придумать и остров, и людей, и события. Это вымысел, развесистая клюква

на почве ненаказуемой фантазии, зато вместе с героями вы побываете и у моря в Испании, и в шотландском замке, и в казачьей станице, и в Риме, Хельсинки, Таллинне, Москве...

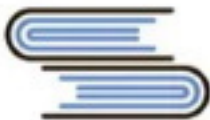
К слову, вся информация почерпнута из открытых источников.

Содержание

Часть первая	6
Тася. Южная Испания. Середина 90-х	6
Ирка. Таллинн. То самое лето	16
Тася. На обрыве. То самое лето	20
Молодой ученый. Задолго до того самого лета	27
Дед. Остров. Задолго до того самого лета	29
Ирка. Остров. То самое лето	34
Маруся. Остров. То самое лето	38
Молодой ученый. То самое лето	41
Тася. Шурик и фото	44
Тася на кухне. Что такое бинарный вариант	47
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Татьяна Бурлакова Самый ветреный на свете ОСТРОВ

Книга издается в авторской редакции

SUPER
ИЗДАТЕЛЬСТВО

© Супер-издательство, 2023

© Татьяна Бурлакова, 2023

@ Антон Колосков (фото)

Часть первая

Тася. Южная Испания. Середина 90-х

И только теперь мне стало по-настоящему страшно. Я заставила себя допить кофе и, кивнув на прощание бармену, пошла к себе, с трудом сдерживая шаг, чтобы не сорваться на бег.

Пришла. Заперлась на ключ. Плотно закрыла дверь на веранду. Задвинула прозрачные занавески: днем я все сквозь них вижу, а меня снаружи не видно. Вечером задвину еще и плотные шторы.

* * *

Я приехала сюда чуть больше недели назад. От финского издательства. Работать.

Как это получилось. Вспомните, как было в 90-е. Каждый устраивался как мог. Мне повезло. Сначала чуток помотало между случайными заработками, но я все же прибилась к малюсенькому издательству в рамках фирмы, которая работала в очень разных областях. Как это часто бывает в подобных организациях, кто бы ты ни был по специальности,

заниматься приходится чем скажут. На переговоры? Пожалуйста, только объясните мою роль, полномочия и цель переговоров. Ага, сидеть и слушать. Сделать умное лицо. Цель – чтобы другая сторона составила представление о нас как о солидной фирме. Хорошо, понятно. Во время переговоров зазвонит телефон, тебе передадут трубку прямо в той же комнате, где проходят переговоры, ты скажешь пару слов на английском, потом – тоже по-английски! – пообещаешь перезвонить позже, потому что сейчас мы все заняты. Опять сядешь в сторонке с умным лицом.

Да, я учила английский, как и все, сначала в школе, потом в университете, читала и переводила на экзаменах материалы из «Moscow News» о достижениях народного хозяйства. В результате твердо знала, что „London is the capilal of Great Britain" и в состоянии была спросить „Who is duty today".

Однако в 90-е спрос на знание английского резко возрос, мне пришлось подтянуться.

В прошлом году меня занесло на семинар в Хельсинки. Семинар по приглашению финских писателей, книгоиздателей, книготорговцев и библиотекарей – все в одном! Тогда много было семинаров, встреч, практик и т. п. – вся заграница кинулась нас обучать и делиться опытом. Надо отдать должное, много было полезного.

Так вот, наша фирма послала меня на этот семинар в Хельсинки, дабы отметить: мы есть! Рабочим языком был объявлен английский.

– Вообще-то мой английский не очень, – пыталась я возразить.

– Да брось ты. У других не лучше, вот увидишь.

И правда. На первом же – собрании? Занятии? Уроке? – выяснилось, что наша группа, в которой были представители прибалтийских республик, по-английски понимает плохо. Совсем плохо. А поддержать разговор и вовсе не может. Выступающий в растерянности: «Я могу если не на английском, то только на финском».

И выход нашелся. В эстонской группе была женщина, владеющая финским языком. Она предложила переводить... на русский. То есть она с финского на эстонский, а я с эстонского на русский. Ведь русским (в то время!) владели и латыши, и литовцы, и эстонцы. И тут все взгляды обратились на меня, единственную русскую на всем семинаре. Я всегда решительно отказывалась от синхронного перевода: я перевожу только письменные тексты и только письменно. Но тут я поняла: предложенный выход – единственный. Поставила условие: перевод будет не синхронный, а последовательный, и я наверняка буду задавать уточняющие вопросы.

Семинар закончился, но с Марикой, которая переводила с финского на эстонский, мы продолжали поддерживать отношения. Оказалось, у нее муж финн, работает в финском издательстве. Там изобрели экспериментальный способ переплета, он особенно хорош для детских изданий – рви-топчи-растрепывай – книжке хоть бы хны. Издательство

хочет этот способ распространить. Ну, продать заинтересованным издательствам и типографиям. Прекрасная возможность расширить рынок – выйти на Россию. Надо срочно перевести на русский детскую книжку и сделать переплет по новой технологии для распространения в России. Муж Марики тут же с инициативой: есть у меня переводчик! Мои возражения (да не владею я финским!) были отмечены как несущественные. На семинаре переводила? Вот и сейчас переведешь. Марика поможет.

Издательство выделило апартаменты в Испании на три недели. Крутись как хочешь, а книжка должна быть готова в этот срок! Мы с Марикой принялись за работу еще до отъезда в Испанию, так что большая часть книги была, собственно, готова. Мне выдан был карт-бланш на любые переделки: хоть заново перепиши, но чтоб книжка читалась, смотрелась и продавалась. Автор не только не возражал, но с замираньем сердца ждал выхода на огромное количество людей, читающих на русском языке.

Из аэропорта такси доставило меня в маленький, даже крохотный поселок на полукруглом склоне у небольшого залива с двумя скалами по краям. Строения спускались ступеньками к морю, дорожки затейливо извивались между группами домиков, окруженных буйной растительностью. Финиковые, кокосовые и веерные пальмы, рододендроны и цветущие олеандры, какие-то кактусы и разнообразные цветы, которые в наших широтах проходят как комнатные и рас-

тут только на подоконниках. Внизу – небольшой пляж, там же, чуть сбоку, бассейн, окруженный удобными шезлонгами. Терраса каждого строения чуть нависала над соседом снизу, но с каждой открывался потрясающий вид на море и скалы.

Получилось, что в Испании мне оставалось подчищать и шлифовать текст. У меня даже возникло искушение написать еще один вариант – пусть выбирают! Но солнце, море и лень сделали свое: я просто наслаждалась! Перед отъездом купила разговорник и даже успела научиться читать по-испански.

По утрам я, в неизменной широкополой шляпе (где еще я могла бы в ней красоваться?) и огромных черных очках выходила на террасу подышать, потом к морю – посмотреть на волны, и лишь потом взбиралась на самый верх, где в залитом светом здании располагалась администрация и ресторан. Кофе я могла выпить у себя на террасе, но установила для себя ритуал: утренний кофе в баре наверху, обмен приветствиями с барменом и официантками (спасибо разговорнику!), прогулка к морю, и только потом – за работу. К слову, обмен приветствиями стал отдельным ритуалом не только для меня, но и для ресторанной obsługi. Даже из кухни приходили желающие послушать, как я зачитываю фразы из разговорника, забавлялись моим произношением, поправляли, радовались моим успехам и записывали для меня новые фразы, которые я читала вслух на следующий день.

Я притащила с собой допотопный, но редкий по тем вре-

менам инструмент для работы – прототип ноутбука, портативный компьютер размером меньше листа А4 и с монитором того меньше. На мое счастье, в моих апартаментах был настоящий стационарный компьютер с современным софтом. Все-таки издательство держало эти апартаменты действительно для работы, а не для начальства или родственников, охочих до южного загара.

Работала я с большим удовольствием. И только вечерами расслаблялась в кресле на террасе с бокалом сангрии в руках.

Вот в один из таких вечеров я и услышала русскую речь. Мои соседи снизу говорили по-русски! В те годы не так-то много русских вообще ездило за границу, тем более не в составе группы, а вот так, сами по себе, да еще в такое не самое дешевое место. Впрочем, был еще не сезон: в Испании жара наступает гораздо раньше, чем в Скандинавии или даже Москве.

Ничего интересного я не услышала и ничем своего присутствия не выдала – не хотелось вступать в разговоры, заводить знакомство, тратить время впустую.

Несколько дней я слушала о том, как Она недовольна: пляжем (каменистый), бассейном (вода холодящая!), рестораном (есть совершенно нечего! То непонятная паэлья, то вообще гады морские), обслугой (ну как с ними говорить! Ну ничего же не понимают!), своим пребыванием (ну что мы тут сидим? Скучно). В один из дней девица вдруг завизжала:

– Смотри, мне выигрыш пришел! Да вот, сообщение в конверте под дверью! Я выиграла экскурсию с шопингом! Только, котик, это на одного... Ты не обидишься? Ура! Завтра с утра и до самого вечера! На машине! Обед включен! Денег дашь? Ну не жмись! Ура-ура-ура!

На следующее утро после традиционного кофе и прогулки к морю у почти у самого своего домика я встретила незнакомца с невыразительным лицом, машинально улыбнулась, как при встрече с любым обитателем нашего отеля, и... прошла мимо своей двери дальше по дорожке. Почему? И сама не смогла бы объяснить. Лицо никакое, но глаза цепкие, настороженные. И нет улыбки в ответ. Свернув за угол, я оглянулась и сквозь цветущий куст увидела, что незнакомец миновал мой уровень и спустился по ступенькам ниже. Тогда вернулась и я и тихонько зашла в свою комнату. Дверь на террасу открывать не пришлось, она, как и всегда по утрам, была приоткрыта. Прозрачная занавеска шевелилась от легкого дуновения. До меня донесся голос моего нижнего соседа:

– Да финка какая-то. Целыми днями дома сидит, только по утрам к морю. Да не понимает она ничего. Тут вообще русских нет, я спрашивал.

Ага, это, скорее всего, про меня. Ну да, приехала не из России, по-русски ни с кем не говорила, просто случая не было. Апартаменты принадлежит финской фирме.

– А вы сюда какими судьбами? – продолжал сосед.

Ответа не было слышно – видимо, посетитель говорил из комнаты.

Сосед:

– Кто со мной? Да так, одна знакомая. Просто решил на солнышко, взял для компании. Она тут выиграла какую-то экскурсию с шоппингом, счастлива выше крыши... Что? Ну вы даете! А как? Наняли жиголо... Но зачем? Просто поговорить без свидетелей? Но можно было... Хорошо. Давайте поговорим.

Привет от дяди? Спасибо. Базу отдыха? Конечно помню. К какой девчонке? Да не знаю я никакой девчонки, почему я должен помнить какую-то деревенскую девчонку? Откуда знаю, что деревенская? Вы же говорите про ту базу отдыха, а это же глушь... Ну да, там были всякие, и столичные, и местные. Да не знаю я никаких девчонок! Разве всех упомнишь? Не знаю, не ездил, не видел! А девчонка говорит, что видел? Да врет, все врет! Мы в палатке кувыркались, что мы могли видеть? Никуда не ездил, а в палатке кувыркались? Да вы меня сбили совсем. Это вообще в другой день было. В какой другой? Ну, не в тот.

– Да ты успокойся, – это уже голос гостя. Он тоже вышел на террасу. Голос глубокий, низкий, насыщенный. Редкий голос! Из штучных голосов. Как голос Левитана из хроники военных лет. Где я могла его слышать? Помню, снабженец в фирму приходил, вот примерно такой голос, я услышала – чуть не упала! Оказалось, морской офицер в отставке, не

певец и не диктор.

Но ведь это – не давешний снабженец? И неужели это тот самый безликий незнакомец, встреченный на дорожке? Да, бывают же удивительные несовпадения внешности и голоса.

– Успокойся, – повторил гость. – Давай прогуляемся, что ли? Не видел и не видел. Тем более что нечего там было видеть. Верно?

Сквозь занавеску я увидела, как они спускаются к дорожке, гость приобнял парня, оглянулся... я боялась шевельнуться. Лучше стоять неподвижно, тогда он не поймет, есть кто за занавеской или нет. А шевельнешься – значит, точно есть!

Вечером девица приехала нагруженная пакетами. Но говорить ей было не с кем. Она стала звонить кому-то по телефону:

– Прикинь, утром уехала на шопинг, приезжаю, на кровати записка: «Надеюсь, ты довольна? Продолжай развлекаться, отель оплачен до вылета. Прости, но на этом все». Ну не козел? Если б знала, я бы на шопинге поменьше спустила, а то теперь до самого самолета сидеть тут. Ну, в принципе-то тут все есть, но просто обидно. Жлоб. Мудило. Идиот.

Через пару-тройку дней и девица уже съехала, и я работу закончила, и ничто не мешало мне наслаждаться пляжем, бассейном и видами. Сегодня за утренним кофе бармен поделился новостью, медленно подбирая английские слова:

– Вчера неподалеку нашли тело одного нашего постояль-

ца. Несчастный случай. Будьте и вы осторожнее, синьора! На левую скалу входа нет, завален камнями, а на правую ведет каменистая тропа, там есть надпись: вход – только под собственную ответственность. Ну, знаете, есть же спортсмены, профессионалы, альпинисты, мы не хотим всем всё запрещать, но простому пешеходу, как мы с вами, по этим тропам лучше не ходить! А он пошел. И сорвался!

– Это точно наш постоялец? Кто его узнал?

– У него в кармане был ключ от номера! Кстати – о святая дева Мария! – это ваш сосед!

И вот тогда я испугалась. Неважно, слышала я раньше этот штучный голос или нет, потом вспомню, просто я осознала, что речь идет не просто о базе, а о базе отдыха на Волге, о той, что неподалеку от нашего острова.

Ирка. Таллинн. То самое лето

В принципе так оно все и было, как они говорили, хотя я и сильно сомневалась.

Они – это мой братец и его семейка. А сомневалась потому, что вполне допускала: отговаривают они меня по одной причине – просто чтоб не брать с собой. Сколько раз так было! Еще когда братец студентом был, соберется, бывало, на вечеринку с друзьями, а мать ему вполне резонно: Ирку-то возьми с собой, жалко тебе, что ли? Он ни в какую: ей там делать нечего, у нас своя компания, свои разговоры, ей будет неинтересно. А мать: откуда ты знаешь? Ты же старший брат, познакомь с кем-нибудь, глядишь, и будет интересно.

Словом, очень редко удавалось пробиться, и то, если рядом с братцем оказывался кто-то из однокурсников и мать обращалась к нему напрямую: что скажешь, витя-саша-кося? Я что, я не против, – тушевался витя-саша-кося, и я победно шла в кафе или в гости, или в парк.

Толку с этого, признаться, было мало. Мать требовала, чтоб я докладывала обо всем: кто был, с кем был, о чем говорили. Был среди одноклассников один вундеркинд... ну, справедливости ради, они все были золотые медалисты и светлые головы, но этот еще и поступил в институт в шестнадцать лет, знал обо всем на свете (ходячая энциклопедия) и охотно со мной общался. Естественно, мы с мамой стали

брatца расспрашивать о нем поподробнее – кто мама-папа, при какой должности, есть ли братья-сестры, обеспеченная ли семья, большая ли квартира, в центре или в жопеняках. То есть, имеет ли смысл глаз на него положить. Братец сильно разозлился, велел глаза сложить в кучку и закопать на другом поле. Так это направление превратилось в тупиковое: братец в свою компанию брать отказывался наотрез.

Шли годы. Братец женился. Да и я побывала замужем. На день рождения брата или его благоверной собиралась большая веселая компания. Родня в том числе. Мать чуть посидит – и домой собирается. И меня пытаются с мамашей спихнуть в одно такси. Я ни в какую, и всегда найдутся добрые люди: да ладно, мы мимо будем ехать, подвезем. Спрашивается, братцу-то какое дело? Ну было разок, подвозил меня один коллега невестки, его жена всю ночь телефон обрывала у брата: Он, говорит, наверно, перебрал? Зачем вы его одного отпустили? С ним что-то случилось! Да ничего особенного с ним не случилось, я с женатиками ничего серьезного никогда не мутила. Бесперспективно. Просто он думал, ему обломится по легкому, а ему не обломилось. Флирт без последствий. А может и с последствиями – для него. Явился домой и получил корзинку дюлей. Братец – ну прямо вне себя! А я-то тут при чем?

Но ближе к делу. Братец мой с женой и детьми каждое лето ездит в отпуск в одно и то же место много лет. Было так. Приехал как-то его одноклассник своих родителей наве-

стить, пришел к братцу, я как раз там была. Слово за слово, он по окончании института с женой-однокурсницей получил распределение куда-то на Волгу. Предприятие большое, а поселок при нем маленький. Летом рыбалка, осенью грибы-ягоды, зимой лыжи. Рыбалку, спрашивает, любишь? Мы каждое лето на острове располагаемся, там раздолье! Приезжайте всей семьей в отпуск, не пожалеете.

Они поехали. Меня не звали, да я и сама ни за какие коврижки – жить в палатке, готовить на костре? Это без меня. Но они с той поры каждый год с весны начинают собираться: просматривают и чинят палатку, надувные матрасы, спальные; ближе к лету закатывают мясо и курицу в банки, запасаются макаронами и гречкой. Племянница мелким почерком составляет списки, чтоб ничего не забыть.

Я еще понимаю – братец. Его влечет рыбалка. А дети-то что? Ни телека, ни даже радио, сидят на каком-то маленьком островке безвылазно; невестка, как проклятая, кашеварит на костре. Но им там как медом намазано.

В том году по целому ряду причин мои планы на отпуск накрылись медным тазом. И я решила поехать с ними: чем черт не шутит? Вдруг и вправду так хорошо?

Серьезных планов я не строила. Народ там, по слухам, серьезный, сплошь доктора наук и кандидаты. Очень может быть, что попадаются и холостые, но нафига мне холостяк в глуши?

Однако напроситься с братцем в отпуск – дело непростое.

Первым делом я предложила помощь в подготовке. Еду на остров надо было брать с собой, так что я съездила с невесткой пару раз на рынок, помогла выбрать мясо и все для тушенки, развила бурную деятельность – жарить-парить, стеклянные банки стерилизовать, раскладывать, закатывать.

А между делом на мозги капать. Как бы и не я инициатор душевных разговоров, но со вздохами, скупой слезой поведала я о непростой своей судьбе на текущий момент: на работе подсиживают, придираются по каждому поводу; недавно на наш отдел выделили подписку на «Иностранную литературу», так вместо того, чтобы жребий бросить, отдали старой кошелке, которая если и умеет читать, так только нотации; у подружки бурный роман, ей не до меня, хотя именно я их и познакомила, ну не совсем я, но все-таки и я присутствовала и всячески способствовала, и вот теперь я третий лишний; мать вконец задолбала (ну понимаете? Мне-то она мать, а невестке моей – свекровь, так что можно рассчитывать на отклик в ее обиженной душе). Невестка моя, конечно, стерва еще та, но подход найти можно, если нужные струны затронуть. Нашла. Затронула. Невестка дала слаби-ну. Еду!

Тася. На обрыве. То самое лето

Я стояла на обрыве высоко над Волгой и смотрела вокруг.

Вот и еще одно волжское лето подошло к концу. Сегодня сняли лагерь, осталось всего две палатки и Юрок при них, остальные погрузились в катера и отбыли к лодочному причалу в ближайшем городке выше по течению. Юрок категорически отказался ехать «в цивилизацию» и остался один:

– Ой, да езжайте уже, дайте отдохнуть от вас. Вы же все равно послезавтра опять нагрнете. Не успокойтесь, пока всю рыбу не переловите. Все-все, счастливого пути!

Наша лодка отчалила последней, но оказалась настолько перегруженной, что едва не черпала бортами воду. Малейшее волнение – а оно на Волге может наступить внезапно, без всякого предупреждения – и катер хлебнет забортной водички. Чтобы ничего такого не случилось, приняли решение подойти к берегу и сгрузить лишний балласт. Балласт – это я, мать семейства, которая не умеет плавать и до смерти боится воды. Заодно скинули еще пару рюкзаков и спальников, раз уж все равно за мной возвращаться.

Высадили на узкую полоску гальки под обрывом. Ждать предстояло довольно долго, так что я решила подняться в гору, благо отсюда наверх вела едва заметная тропинка. Обрыв в этом месте был не отвесный, но очень крутой, пришлось продвигаться почти на четвереньках, цепляясь за редкие ку-

стики. Одурающе пахло нагретой на солнце полынью. Выжженная земля осыпалась под ногами пылью, обнажая камни. Может, не стоило переться наверх: как я спускаться-то буду? Но не было смысла и сдаваться на полпути.

И вот я на самом верху! Не самое широкое место на Волге, но другого берега все равно не видно. Подо мной фарватер, водный тракт для всех видов судов. Дальше наш островок, за ним мне отсюда уже ничего не видно. Зато наш островок как на ладони. Правда, не весь, а нижняя его часть, как бы две клешни, которые обнимают спокойную лагуну.

Правая клешня – это длинная песчаная коса. Тончайший чистейший белый песок! Не раз я вспоминала эту косу, когда много лет спустя бывала на иных, очень знаменитых, но не всегда таких же прекрасных пляжах, как тот, что на маленьком безвестном островке посреди Волги.

Противоположный берег лагуны был поуже и покороче, течение подмывало его и обнажало цепкие корни невысокого кустарника, покрывавшего его по всей длине.

Между двумя клешнями на краю лагуны на неширокой полоске полукруглого бережка и располагался наш лагерь. Ближе к воде стояла походная кухня, большой обеденный стол под парусиновым навесом, лавка, чурбаны, служившие табуретками, поленница, изрядно похудевшая к концу сезона. Палатки мы ставили глубже в лесу, под кронами деревьев, подальше от ветров и палящего солнца.

Жаль, я не взяла наверх свой театральный бинокль, кото-

рый всегда вожу с собой в отпуск. У Валеры бинокль, который он берет на рыбалку, а у меня свой, театральный. Удобная штука. Сейчас бы пригодился. Вот сбоку от стола расположился в раскладном парусиновом кресле Юрок, Юрий Юрков. Кайфует в тенечке. Он никогда специально не загорает, не мужское занятие, но всегда покрыт загаром до черноты. Днем ходит в плавках, после захода солнца надевает ватник. Такой вот дресс-код.

Немногословный. Говорят, специалист, каких мало. Но мне говорить с ним трудно, ибо – не о чем. Вечерами у костра слушает, но не вступает. Когда выпьет (каждый божий день!) может бормотать что-то невразумительное. Матерится негромко, но изобретательно.

Поначалу я удивлялась, как он попал в эту компанию. Мыто с Валерой попали сюда через своего одноклассника Вольдемара Либиха, в школе его звали Волли, здесь зовут Волька, а официально – Владимир Карлович. Вольдемара на Владимира заменили, а с Карлом, Карловичем – не получилось. Шумный и безапелляционный, у него всегда на все есть свое мнение, причем единственно верное! Другой член компании – интеллигентный Шурик, который если и возражает, то не повышая голоса и с легкой улыбкой, что порой доводит Вольку до белого каления. А еще добродушный Николай, сглаживающий острые углы и всегда готовый взять на себя любой груз – груз ответственности, груз в килограммах, груз с души чьей-нибудь.

Со временем про Юрка догадалась. Вернее, пришла к предположению, которое считаю верным. Дошла до этого через его сына. У Юрка есть сын Валюшка, ударение на второй слог. Именно Валюшка, а не Валентин, или Валя, или тем более Валька. Ласковый, умный, застенчивый, отзывчивый. Смуглое лицо (в папу) мгновенно заливается краской, когда он смущается. Несмотря на свою застенчивость, легко идет на контакт и прекрасно ладит с людьми, потому что умеет слушать. Сам говорит мало – опять в папу!

И мне подумалось: Юрок немногословен, потому что осознает свою культурную «ограниченность», что ли; опасается попасть впросак, ляпнуть чего-нибудь в такой культурной и интеллектуальной компании, но ума ему не занимать на самом деле; в нем есть то, что я просто оценить не в состоянии из-за – в свою очередь – ограниченности в той сфере, где он царь и бог, ведь я совсем ничего не понимаю в химии и тем более химическом производстве, а Юрок в этом деле – ас! Так говорят, не мне судить.

Так вот. Юрок со всеми своими странностями, неизменным ватником и изошренным тихим матом – просто человек застенчивый, но гордый и независимый.

Так что в этой замечательной компании у него вполне заслуженное и прочное место.

Попробовала изложить свою теорию Вольке. Он поднял меня на смех. По его словам, Юрок с его «культурной ограниченностью», как я это неосторожно определила, на голову

выше каждого в этой компании и даже выше всех их вместе взятых. У него острый аналитический ум и мгновенная реакция, способность все разложить и просчитать на много ходов вперед. А мне, курице, не дано даже догадаться, насколько он умен. На курицу я было обиделась, но Волька подвел черту: если бы я думал, что ты курица, то не стал бы и объяснять.

Не обходится на острове и без некоторых трений – жизнь есть жизнь. Не далее, как вчера услышала обрывок перепалки между Юрком и Шуриком. Я так поняла, что Юрок велел Шурику оставить в покое Алку, а Шурик тихим, как всегда, голосом, возражал, а потом просто послал Юрка невзирая на всю свою интеллигентность. Странно, никогда не замечала, чтобы Шурик выходил за рамки обычной своей галантности. Нет, Шурик не волокита, тут Юрок, конечно, погорячился. Просто Алка, Юркина жена, который год пишет кандидатскую, а Шурик ей помогает. И не только он. Помогают, как говорится, всем скопом.

Вот чего не отнимешь у волжской компании, так это готовности всегда подставить плечо. Во всем. Дети проводят на острове все лето вне зависимости от того, в отпуске родители или на работе. Или в командировке. Или просто отлучились с острова по делам. Все дети все лето тут живут, а все взрослые за ними приглядывают. Вкусно кормят, следят, чтобы не обгорели на солнце или не перекупались, не простудились из-за ночной прохлады, чтобы их не искусили

комары. Да, собственно, старшие дети и сами приглядывают за младшими. Если старшие позволяют себе что-нибудь недозволенное, например стащить сигареты и покурить, то младшим строго-настрого запрещают такие эксперименты, а те, смирившись, даже и не помышляют пожаловаться или настучать.

Да-да-да, смейтесь надо мной, я тут совсем патокой растекаюсь, слюни распустила, но это факт: наш остров – рай на земле! Идеальная модель мира!

Юрок встал с кресла и занялся хозяйством. Видимо, решил чайку себе вскипятить, взял полешки и стал разводить огонь.

А на другом берегу лагуны, что напротив косы, хозяйством занялась Маруся: снует между палаткой и обеденным столом, то присядет, то опять уйдет в палатку и появится в другом наряде – прихорашивается. Маруся – внучка наших соседей, деда с бабкой, которые все лето ловят рыбу и время от времени возят ее на продажу. Кажется, они и сегодня тоже отправились «в цивилизацию»: продать рыбу, пополнить запасы. Странно, что Марусю оставили, обычно они берут ее с собой. Ну да ничего, Юрок-то на месте. Послезавтра подспеют Волька с Шуриком и Николаем – у них отпуск продолжается. А в самом конце лета мужчины приедут опять, чтобы законсервировать лагерь: разобрать доски, из которых сколочены стол и лавка, связать, привязать грузила и закопать в яму до следующего лета. Туда же – чурбаки-сиденья,

чугунную плиту с «блинами» и прочее хозяйство.

Пора спускаться, скоро за мной приедут. До свидания, остров! До свидания, Волга! Встретимся через год.

И что же это такое – счастье? Да вот же оно! Когда не надо напрягаться, тебя понимают с полуслова, когда лежишь в тенечке под деревом, а дети заняты своими делами и вполне самодостаточны, когда не надо ломать голову, что надеть или из чего приготовить ужин. Приземленно? Может быть. Но как же хорошо!

Молодой ученый. Задолго до того самого лета

В советских шпионских фильмах иностранные разведки вербуют наших специалистов, ученых, чиновников – да кого угодно! – то на конференции, то в зарубежной поездке, то прямо по месту работы или жительства. А его где вербовать? Работает на секретном предприятии, куда мышь не проскочит. На конференции и в зарубежные поездки – исключено. По месту жительства? Живет в закрытом поселке. Въезд под шлагбаум по спецпропускам.

В шпионских романах зарубежных авторов связь держат – ну например! – через газетные объявления. Пишешь зашифрованный текст, ничего не говорящий праздному читателю, помещаешь в второй колонке на восьмой странице... Ой, да о чем это. Какая восьмая страница? В газете «Правда» их всего четыре, огромных, как простыня. Да и не берут туда объявления.

И что писать? Молодой талантливый ученый желает быть завербованным. Обращаться по адресу – дальше «почтовый ящик», где первым возьмет конверт в руки особист.

И что делать?

Он стал думать об этом каждый день.

Пойти в посольство. Какое? Ну, первое что приходит в голову – американское. Они наши лучшие заклятые друзья.

Враг моего врага – мой друг. Если кто-то желает удрать из Союза, Штаты только за. Особенно если это перспективный ученый.

Посольство ФРГ. Немецкие химики – хорошие химики. Но в Германии жить неохота. Вот что значит изучать в школе и институте язык потенциального врага! Германию мы победили, точка. Потом принялись обгонять Америку – стало быть, английский!

Значит все-таки Америка или Англия. Ну не в Китай же бежать!

Предприятие, на котором трудится молодой ученый, хоть и закрытое, но головное начальство в Москве. Некоторые сотрудники бывают в командировках. У него в Москве особых дел нет, но и прямого запрета посещать столицу нашей родины нет. Молодой ученый хочет в Третьяковку! И в Колонный зал Дома Союзов! В конце концов, он ученый, человек глубоко интеллигентный. Ему свою интеллигентность подпитывать нужно.

Размышлять об этом стало ежедневной привычкой.

Дед. Остров. Задолго до того самого лета

Дед и бабка с весны до осени всеми способами добывали рыбу из великой русской реки Волга. С годами настолько все славно устроилось, что у деда и свое место промысла было, и свои точки сбыта, и отношения с рыбнадзором сложились вполне себе (типа, дед большого урона реке Волге не нанесет никоим образом, а посидеть-поговорить за жизнь, да с беленькой, да под закусочку, да в тихом месте без посторонних глаз, этого ничем не заменишь, рыбнадзор в лице Сан Саныча это очень даже ценил), и бабка всегда под боком (что б он без нее вообще делал!), и внучка всегда под присмотром (ее родители как бы на заработках, а на самом деле где заработали, там и потратили, другими словами, просто живут в другом месте и никто им не нужен – ни родители, ни дети. Так что была дочка, теперь внучка).

Промышлять пристроился дед на островке, он его давно заметил. Весной весь под воду уходит, деревья по пояс в воде, потом вода падает и – до следующей весны. Так что никаких сараев, будок, шалашей и прочих строений на острове не наблюдалось. Первый раз остановился, как только вода сошла, не успел обосноваться – с правого берега катер откуда ни возьмись. Кто такой, откуда, что собираешься делать, зачем палатка и столько барахла. Ах надолго? Не-е, надолго

нельзя. И переночевать нельзя. Если мотор отказал или горючка кончилась – остановился, починил-поправил-зарядил – и в путь. А почему? А по кочану. Люди приедут, отдыхать будут.

Дед не стал собачиться, стал искать подходы. Аргумент, что для «людей» тут неподалеку как раз целая база отдыха, вполне «закрытая», это всем известно на много километров вверх и вниз по течению – не сработал. Зашел с другой стороны.

– Вот ты меня увидел и сразу прилетел, не успел я и разгрузиться как следует. А кабы в это время сплав был? Как бы ты поперек фарватера? По бревнышкам бы побежал?

– А не твоя забота. Переждал бы. Никуда б не делись. Как успели бы палатку поставить, так бы и сняли.

– А кабы я с другой стороны причалил?

– А с другой стороны берег неудобный, да и палатку не поставишь. А отдыхать все нороят на белом песочке, как ни крути – на косу выйдут.

– Сдается мне, шугать тех, кто случайно забрел на остров, это не основная и не главная твоя работа, а как бы сопутствующая.

– А не твое дело!

– А не мое, правда твоя. Мое дело – рыбку ловить. Люди твои палатки ставят наверняка вон там. Там деревья пореже и от воды как бы отступили, и берег дугой, и коса как на ладони, и большая Волга видна. А напротив косы, с другой

стороны лагуны, совсем тонкая полоска суши, но не пляж – все поросло деревцами да кустами. Вот я бы там и пристроился со своим хозяйством. И «людям» бы не мешал, и чужих спрашивал. Тебе легче, и мне хорошо. Нас-то всего трое.

Задумался стражник. Велел дать документы. Все переписал в книжку.

– Ладно, сегодня можете переночевать. Завтра будем решать. И не особо тут располагайтесь, легче сниматься будет.

Дед покивал головой. Бабка заулыбалась заискивающе, но стражник на нее и не взглянул; в катер – и был таков.

Вот с той поры эти трое тут каждое лето. Вернее, с весны до осени. Видать, проверили и деда, и бабушку до седьмого колена, ничего подозрительного не обнаружили и сделали послабление на постой вблизи режимного объекта.

Режимный объект, из-за которого чужаков гоняют, это испытательный полигон на правом берегу. Выше и ниже по течению на много километров высокие крутые обрывистые берега. Что там наверху испытывают – снизу не видать. Но даже прогулочные, или, как их еще называют, круизные пароходы по искусно сделанному расписанию проходят мимо полигона только по ночам. Иной раз прямо вереницей, один за другим. Музыка на палубах гремит, народ гуляет, а наши островитяне сидят у костра, смотрят вслед, и кое-кто так мечтательно: вот бы!..

А ему:

– Да брось ты! Сейчас на палубе кто-нибудь держится за

поручни и мечтает: вот бы! На остров! Да у костра! Да в палатку! А утром с удочкой!

Дед, как правило, приезжает раньше всех, еще до окончания учебного года. Бабка с внучкой – как только каникулы начинаются. А островитяне массово подтягиваются летом.

Вернее, так. В мае – большой пикник в честь их профессионального праздника. День химика! Потом в какие-то выходные приезжают, обустроивают лагерь. Первым делом подальше от мест для палаток копают яму под уборную, накрывают ее досками или стволами, сверху сооружают какой-нибудь короб, чтобы можно было сесть. Сквозное отверстие – вуаля! Вот разве что унитаз с собой не привозят!

По углам ставят столбы, с трех сторон натягивают брезент или ткань. К толчку прокладывают тропинку, на приличном расстоянии от уборной ставят еще два столбика, на них жердочка – шлагбаум! Закрыто – не ходи. Открыто – добро пожаловать. Не забывай только, уходя или приходя, правильно расположить перекладину.

Еще роют глубокую яму для мусора. Консервные банки обязательно прокаливают на костре, прежде чем бросить в помойку. Стекланные банки не бьют, забирают с собой – под осенние заготовки.

Роют землянку, накрывают стволами, ветками, присыпают землей. Это погреб для продуктов, которые нужно хранить в холоде.

А еще ставят продуктовую палатку – там крупы, макарон-

ны, овощи, конфеты, хлеб, мука и все-все-все.

Деду с бабкой, опытным волжским промысловикам, конечно, еще поучиться у этих «ботанов». Во всяком случае, дед теперь обустроивает сортир – не так круто, как соседи, но все-таки теперь не опасно отойти от палатки даже среди ночи. И помойка обустроена. Рыбные отходы, конечно, как и прежде идут напрямик в Волгу-матушку, но остальное теперь тоже закапывается. Подальше от греха. Место хорошее, с соседями портить отношения не резон. А они не слепые.

И с внучкой стало полегче: ей теперь есть с кем вечером, после трудов, отдохнуть, развлечься, поговорить, посмеяться. А то у нее каждое лето – одно и то же. У всех каникулы, а она, как проклятая, на рыбопромысле – иначе это не назовешь.

Ирка. Остров. То самое лето

Как я уже говорила, на острове все оказалось почти так, как они рассказывали.

Быт оказался совсем не страшным. Работу по кухне делали все по очереди, по графику. Весь день, например, с раннего утра кашеварит одна женщина. Ее задача: приготовить завтрак, обед и ужин. В помощь ей назначается помощник – таскает воду, разжигает огонь, готовит посуду, накрывает на стол и так далее. Посуду после еды моют все дети – они уже между собой разбираются, кто, что и сколько.

Остальные – свободны! Другое дело, как распорядиться этой свободой. Я там никого не знала, но встретили меня по-родственному, будто ждали всю жизнь. На кухню назначили в последнюю очередь, и все толклись рядом, готовые броситься на помощь по первому намеку. Очень быстро я освоилась и стала полноправным членом компании.

Скучно там не было ни одной минуты, только смотри кругом. Возьмем Алку, это жена чудика в ватнике. Ведет себя так, будто она писаная красавица. А на самом деле ничего особенного из себя не представляет, просто чувырла. Она не бочонок, нет, не такая уж толстая. Да и совсем не толстая, если честно, просто цилиндрик с ручками и ножками, ни талии, ни бедер. Там, где у женщины грудь, у нее два прыщика. Ноги – да. Длинные и стройные, этого у нее не отнимешь.

Алка могла бы шикарно одеваться, оставляя на всеобщее обозрение только ноги. Да откуда мне знать, может, она так и одевается там, у себя на работе? Но мы на острове, где все с утра до вечера в купальниках, а к вечеру цепляем на себя что попало, лишь бы комары не заели.

Алка сумела себя поставить так, что ей все помогают, даром что кобыла выше меня ростом. Когда она дежурит по кухне, мужики иной раз даже на рыбалку не выходят, чтобы Алке рыбу чистить не пришлось. Или приносят уже выпотрошенную и очищенную от чешуи. Когда утром в день дежурства она выползает из палатки, ее ждет разведенный огонь и уже подогретая на плите вода. Кандидатскую ей пишут, по слухам, всем коллективом.

Алка вышла за Юрка в конце института. Он вроде как самородок. Наверно, думала, его при кафедре оставят. Но там у них все не как у людей. Самородка заслали в тьмутаракань здешнюю. Братец мне растолковал: дура ты, Ирка, тут самое что ни на есть крутое место, вроде как и научно-исследовательский институт, и завод в одном флаконе. Теоретики напридумывают, в лаборатории опытов понаделают, и тут же на заводе самородки-практики сделают экспериментальный продукт. И посылают сюда лучших из лучших.

Может и так, только сдается мне, Алке в Москве больше нравится. Говорят, то и дело туда мотается – согласовывать что-то в диссертации. Ну, типа, помощь ей нужна, совет вышестоящих товарищей. Хитрюга!

Другое дело Нина, жена Вольки. Говорят, она там у них большой начальник. Главнее Вольки! Но я ни разу не заметила, чтобы она командовала. Ее как бы и не видно совсем, но все будто само собой делается так, как она задумала. Без напряжения. И как она умудряется с Волькой совладать? За ним глаз да глаз! Здесь-то, на острове, не разгуляешься, все как на ладони, но ведь он то на байдарках сплавляется по каким-то северным рекам, то на Домбай едет на горных лыжах кататься, то в Таллинн родителей навестить. Вольный Волька!

А еще Шурик. У меня поначалу язык не поворачивался его просто Шуриком называть. Он вообще не такой, как все. Все в нем говорит-вот самый настоящий доктор наук! Предупредительный, будто мы все не в купальниках, а в вечерних платьях. Вроде и ничего особенного, даже не могу объяснить, но хочется распрямить спину и поправить несуществующие локоны.

Вот уж у кого локоны, так это у Райки Сошкиной, недаром парикмахерша. И как это у нее получается? Говорят, она по образованию модельерша, о как! Кутюрье местного разлива. Образование чуть-чуть не законченное. Она вообще-то не Райка, даже не Раиса, а Раиля Миннехановна в девичестве Гибадуллина, татарка, училась в Казани на модельера, там познакомилась с Сошкиным, который учился на инженера-химика. Поженились перед его распределением, а дальше Райка решила: какая разница, будет у нее диплом модельера

или не будет, все равно в поселке нет дома моделей. И вот она стрижет весь поселок, а своих еще и консультирует по поводу гардероба.

Сошкин же – вообще мечта любой женщины. Добрый, заботливый, неконфликтный, он с любым может договориться по-хорошему, какие уж тут скандалы, он лучше сам все делает, чем будет кого-то заставлять. Да-а, живут же люди.

Маруся. Остров. То самое лето

Внучка у деда с бабкой красавицей выросла, да только сама пока не понимает, насколько она хороша. Волосы белые. Она и с рождения беленькой была, а на солнце волосы выгорали настолько, что любая платиновая блондинка удавится от зависти. Но Марусе все не так: меня, мол, в школе белобрысиной дразнят! И норовит бровки черным карандашиком подрисовать.

Соседские дети приняли ее в свою компанию без проблем. Так и росли вместе каждое лето. Для Маруси лето стало теперь лучшим временем, а не трудовой повинностью. Да, работы много, но зато по вечерам настоящий рай! У соседей каждый вечер костер, интересные разговоры, детей никто не гонит, никто никогда не говорит «рано тебе еще», дети поют вместе со взрослыми, некоторые уже научились играть на гитаре. Дядя Волька всегда готов показать, как правильно держать гриф и ставить пальцы. Еще бы: про него рассказывают, что в молодости он играл в ансамбле и пел. И еще дядя Шурик играл, но Шурик не склонен учить подростков и кого бы то ни было чему бы то ни было. Он любит одиночество и свою фотокамеру, с которой почти не расстаётся.

А еще к соседям, бывает, приезжают гости – либо из поселка при заводе, либо с базы отдыха – «большие» люди из столицы, профессора-академики или чиновники высоко-

го ранга.

Один профессор приехал как-то со своим племянником, так тот просто очумел, так ему здесь понравилось. На острове все для него «прикольно».

– Прямо в палатках спите? Прикольно. А в туалет как же? В кусты? Нет? Ух ты. Прикольно. А кто готовит? Ничё так, вкусно.

Напросился переночевать, а потом еще пару раз приезжал один, без дяди, без ночлега. Нельзя сказать, что он вписался в компанию, его не приняли, но и не гнали, за ним закрепилось прозвище Мажор. Привозил его парень из Марусиной школы по прозвищу Дылда. Он все лето работает на базе лодочником: возит отдыхающих то на рыбалку, то на прогулку. Про всех все знает. Все видит. Все слышит. Все замечает. Ничего не забывает.

Мажор у костра всегда садился рядом с Марусей, переговаривался шепотом. Марусе это льстило: городской парень, из самой Москвы, а обратил на нее внимание. Вот Никита, младший сын дяди Коли Сошкина, на нее не смотрит, будто и нет ее вовсе. Вернее, смотрит, но не видит. Не видит, что он ей нравится, очень нравится, что она лучше бы с ним на бревнышке сидела и перешептывалась, а не с Мажором. А Мажор между тем стал уговаривать Марусю решиться на авантюру: вот дед с бабкой уедут по делам, а она пусть останется, он к ней приедет – и они всю ночь будут любоваться звездами и держаться за руки.

Марусе было боязно, она отнекивалась, потом сказала: ну не знаю, как получится, так и получится.

И вот этот день настал!

Молодой ученый. То самое лето

Время меняется. Кто бы мог подумать? Кто мог предположить, что появится во главе государства человек, готовый к переменам? Перестройка, гласность. Гласность-это вообще что-то запредельное. Ну, нас-то это не особо касается, скорее совсем не касается. Однако в каких-то других областях – фантастика! Новые имена, новые лица, новые темы. Огромные газетные полосы сплошного текста, «без картинок», – и все читают взахлеб!

Он было совсем бросил мечтать о загранице. Но постепенно понял: будет ли что-то меняться, не будет, как будет меняться, к лучшему ли. В любом случае на это потребуются годы или даже десятилетия. А он живет сейчас!

Пока что жить становилось труднее. У них всегда было особое снабжение по сравнению с тем, что происходило во-круг, в соседних – открытых – поселках и городках, чтобы они особо не тратили время и силы на поиски еды, мебели, вообще всего, что нужно для жизни; чтобы не влезали в сомнительные отношения со всякими завмагами и завскладами, чтобы не были им должны хоть что-то.

Ну, например, копченая колбаса была у них своего рода валютой за пределами их закрытого поселка. Надо хранить свой катер на лодочной станции – пожалуйста, тебе всегда найдут место поближе к будке сторожа и будут за твоим ка-

тером приглядывать – мало ли что кому приглянется, весло или спасательный круг или просто захочет кто-то открутить что-нибудь полезное в лодочном хозяйстве.

В их квартирах стояла, казалось бы, вполне обыкновенная мебель, обычная на их взгляд, потому что они к ней привыкли. Но за пределами их ареала обитания (поселка?) эта мебель воспринималась совсем иначе. Престижная, импортная, простому смертному такую можно было достать только по большому благу и с большой переплатой.

Да что там, профсоюз распределял не только мебель и автомобили, но даже мечту каждой женщины – французские духи, названия которых уже сами по себе звучали как песня. Впрочем, причем тут название? Одно у них было название: французские духи! Все. Точка. Этим все сказано.

Однако теперь настали времена, когда и им доставалось далеко не все. Со смешными своими притязаниями на новую польскую палатку взамен прохудившейся или ультрамодные туфли на платформе для жены лучше было не вылезать. Зажрались! – такова была реакция ответственных товарищей. Палатку можно починить, а без туфель на платформе и раньше жили, и сейчас проживем.

Вернулся к мыслям о загранице. Тем более что и предложить сейчас он мог гораздо больше, чем раньше.

Пришел к мысли, что посольство – не выход. Засекут еще на подходе. Перестроечная пресса разглагольствует, что все разваливается. Это правда. Но он, например, не может рабо-

тать хуже, чем умеет, под предлогом того, что его не снабдили новой палаткой. Он думает, ищет, находит, проверяет, радуется удаче или огорчается из-за ложного направления и начинает сначала. Нет основания полагать, что в спецслужбах принцип работы устроен как-то иначе. Профессионал есть профессионал. Надо отслеживать телодвижения носителей ценной информации – будут отслеживать, невзирая на ухудшение снабжения.

И все же он продолжал придумывать какие-то смешные способы связи с посольством. Запустить через забор бумажный самолетик с текстом? Или бросить камушек, обернутый бумажкой? Или выпустить стрелу через высокий забор?

Хорошо, а дальше? Что написать? Позвоните по такому-то номеру? Пусть даже кто-то позвонит- откуда ему, такому-сякому продажному ученому, знать, что это не провокация? Ведь такое вполне возможно: в посольствах работает всякий персонал, в том числе местный народ, так почему бы и не завербованный советскими спецслужбами?

Послать в посольство надежного человека? Придумать предлог, а там уже по обстоятельствам. Предлог: заграничная поездка, нужна виза. Куда, к кому, зачем? Сомнительно. Но надо подумать. И главная проблема: кто этот надежный человек. Смешно! Найти человека, который согласится помочь ему свалить за границу? Невозможно. Человек либо осудит и донесет, либо и сам пожелает свалить. Балласт.

Думать, думать.

Тася. Шурик и фото

Вчера Шурик с самого утра уехал домой, сказал: «По делам». Петрова каких-то поручений ему надавала, вроде «цветы полей, холодильник проверь, привези мне рубашку – не такую, а такую, и не перепутай».

Сегодня Шурик прибыл к обеду. И случился праздник! Он привез толстую пачку фотографий размером с открытку и еще альбом, где были снимки покрупнее.

Сбежались все от мала до велика. Прежде чем выпустить фото из рук, Шурик строго-настрого запретил что-то оставлять себе «на память».

– Никто не возьмет ни одной штучки, это понятно? Напоминаю, кому сильно захочется получить ту или иную картинку, просто подойти и показать. Я напечатаю.

Пачку разделили на части, и народ, сгруппировавшись кучками, просматривал снимки по очереди. Шутки (да ты тут прям русалка). Смех (ты только погляди, как в воду вошел! Не солдатиком, а бомбочкой). Умиление (ой, а Маруся-то какая красавица!). Недовольство (я тут толстая как-то). Пачками обменивались, бегали от группы к группе, отзываясь на восклицания и хохот – что, что там? Покажи!

Снимки были замечательные. И портреты, и какие-то схваченные моменты нашей островной жизни. Вот дети посуду моют, и ведь что интересно – прямо видно, что препи-

раются! Вот большой улов – рыбыны разложены на берегу в ряд по величине. Смешно: лежит сомик на песке, а рядом наш Котя, и они одного роста. Или длины? Вот мальчишки сооружают помост, чтобы с косы прыгать в воду с глубокой стороны. И вот уже прыгают. Брызги, болельщицы на берегу, смех... да-да, такое чувство, что не только видишь, но слышишь эту картинку.

А вот совершенно замечательный снимок: все дети, включая Мажора, облепили выброшенное на берег иссохшее дерево. Получилось – древо жизни! Дети у нас разных возрастов. Старшие сами себя называют БД, что означает «бывшие дети». Да они и правда не дети уже, Оля и Аля в будущем году поступать будут, а Мажор, если не ошибаюсь, уже зачислен куда-то и осенью пойдет на первый курс. Странно, конечно, ведь вступительные экзамены начинаются только 1 августа, а он уже зачислен – в июле-то. Может, золотой медалист? Без экзаменов и без конкурса?

И напоследок – альбом. Его Шурик не отдал, положил на стол и руку сверху. И только когда все более или менее успокоились, сам открыл обложку.

А это уже было настоящее искусство. Неважно, что именно было на этих снимках, но глядя на них, ты будто погружался в другое пространство, в другую жизнь; знакомые пейзажи приобретали иную значимость, а знакомые лица заставляли по-новому всматриваться, пытаться проникнуть в тайну, которая скрывается за взглядом, за морщинкой на лбу,

за едва обозначенной улыбкой или готовыми нахмуриться бровями.

– Шурик, ты... – я не могла подыскать подходящих слов. – Ты художник!

– Да ладно. Я просто вовремя нажимаю на кнопку.

Тася на кухне. Что такое бинарный вариант

Сегодня мое дежурство. Не люблю рано вставать! Зато Валера всегда встает ни свет ни заря. Вот и сегодня, не успела я глаза открыть, как он откинул полог спальни и прошептал, чтобы детей не разбудить:

– Еще ты дремлешь, друг прелестный? Пора, красавица, проснись!

Умыться, почистить зубы, одеться (легкое платье поверх купальника), сходить в продуктовую палатку за крупой. Какую сделать сегодня кашу? Сварю гречку.

Для детей (да и для некоторых взрослых) гречневая каша, одобренная не маслом, не тушенкой, а густой тягучей сгущенкой с сахаром – это любимое лакомство. Это завтрак. На обед борщ – это я себя поражаю. Чеснок не забыть, Сошкины привезли со своего огорода. Ядреный! И жареная щука на второе, целая гора осталась от вчерашнего ужина. Хотя... где же она? Так и есть, полуночники всю подчистили. Не забыть сразу с утра поставить компот, чтобы он успел остыть. Компота должно быть много!

Сегодня у меня в помощниках Юрок. Смотрю, воды уже натаскал, котлы и кастрюли стоят полнехонькие, и ведра полны воды для хозяйственных нужд. Под плитой дрова сложены, только спичку поднеси. А самого Юрка не видно. Да и

не обязан он тут торчать, надо – позову.

После завтрака дети пошли мыть посуду, от реки слышалось: а почему я? Тебе миски сполоснуть, а мне котел драить? – ой да что тут драить, потри днищем об песок и ладно. – Сама потри! – Нет, дорогой, давай уж сам!

Дамы разошлись кто куда. А мужики продолжали чаевничать за столом. Я там же чистила картошку на борщ.

– Все-таки бинарный вариант – это прорыв!

– Легко сказать, трудно сделать.

– И что тут трудного? Какая разница?

– Да ты врубись: уже само производство должно быть физически разнесено и изолировано друг от друга, нету нас такой возможности.

Повисло молчание.

– Коварные бинарные сильнее, чем ударные, – решила я разрядить обстановку своей как бы искрометной шуткой, продолжая чистить картошку.

Все уставились на меня. Я решила, что это успех, и добавила:

– Решения лапидарные, итоги планетарные.

– Тася, а... откуда ты знаешь, что такое бинарный?

– Дорогие химики, вы что, с луны свалились? Вы думаете, у вас есть эксклюзивное право на это слово? Я филолог, я всякие слова знаю. Бинарный – би означает два, значит из двух частей, двух компонентов; двоичный – это если в математике, а в лингвистике бинарный это не союз, а противоп-

ставление того, что существует по два: глухой согласный – звонкий согласный. Примерно так. Что тут такого? Что вы всполошились? Лучше бы рыбы наловили, вчерашнюю всю съели.

Они нехотя стали вылезать из-за стола, Юрок язвительно заметил:

– Болтун находка для шпиона.

– Не вижу таковых, – огрызнулся Волька.

Сошкин, как всегда, стал строить из себя кота Леопольда – мол, ребята, давайте жить дружно.

Все побрели к катерам, но водрузились вчетвером на один, чего раньше никогда не делали. На прогулку – пожалуйста, а вот махать спиннингом вчетвером на одном катере практически невозможно, обязательно заденешь, зацепишь, заедешь в глаз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.